

Эрих Мария Ремарк

Эрих Мария Ремарк

Erich Remarque

Триумфальная
арка

Издательство АСТ
Москва

Женщина появилась откуда-то сбоку и шла прямо на Равича. Шла быстро, но неуверенным, шатким шагом. Равич ее заметил, когда она уже почти поравнялась с ним. Лицо бледное, высокие скулы, глаза вразлет. Застывшее, опрокинутое лицо-маска, а в глазах тусклым отблеском фонаря мелькнуло выражение такой стеклянной пустоты, что Равич невольно насторожился.

Женщина прошла совсем близко, едва не задев Равича. Он резко вытянул руку и схватил незнакомку за локоть. Та пошатнулась и неминуемо бы упала, не поддержи он ее. Но он держал крепко.

— Куда это вы? — спросил он, чуть помедлив.

Женщина смотрела на него в упор.

— Отпустите меня, — прошептала она.

Равич не ответил. И продолжал крепко удерживать незнакомку.

— Да отпустите же! Что это значит? — Она едва шевелила губами.

Равичу показалось, что она вообще его не видит. Женщина смотрела куда-то мимо и сквозь него, устремив глаза в непроглядную ночную темень. Он был всего лишь помехой у нее на пути, и именно так она к нему и обращалась.

— Да пустите же!

Он сразу определил: нет, не шлюха. И не пьяная. Он чуть ослабил хватку. Теперь женщина при желании легко могла освободиться, но она этого даже не заметила. Равич все еще ждал.

— Нет, без шуток, куда это вы среди ночи, одна, в такое время, в Париже? — повторил он свой вопрос как можно спокойнее, выпуская наконец ее руку.

Незнакомка молчала. Но и не уходила. Казалось, теперь, когда ее остановили, она уже не в силах сделать ни шагу.

Равич прислонился к парапету моста, ощутив под ладонями сырой, пористый камень.

— Уж не туда ли? — Он кивнул себе за спину, где, поблескивая тягучим свинцом, лениво и тяжело протискивалась под тень Альмского моста неостановимая Сена.

Женщина не отвечала.

— Рановато еще, — бросил Равич. — Рановато, да и холодно. Ноябрь как-никак.

Он достал сигареты и пошарил в кармане, нащупывая спички. Наконец нашел, понял на ощупь, что спичек в картонке осталось всего две штуки, и привычно ссутулился, укрывая пламя в ладонях, — от реки тянуло легким ветерком.

— Дайте и мне сигарету, — проронила незнакомка ровным, без выражения, голосом.

Равич поднял голову, потом показал ей пачку.

— Алжирские. Черный табак. Курево иностранного легиона. Вам, наверно, крепковаты будут. А других у меня нет.

Женщина качнула головой и взяла сигарету. Равич протянул ей горящую спичку. Курила она жадно, глубокими затяжками. Равич бросил спичку через парапет. Спичка прорезала тьму яркой падучей звездочкой и, коснувшись воды, погасла.

По мосту на малой скорости проползло такси. Шофер притормозил. Он посмотрел на них, подождал немного, потом резко газанул и покатил дальше по мокрой, лоснящейся, черной мостовой проспекта Георга Пятого.

Равич вдруг почувствовал, что устал до смерти. Весь день работал как проклятый, а потом никак заснуть не мог. Потому и вышел — захотелось чего-нибудь выпить. Но сейчас, в промозглой ночной мгле, усталость навалилась внезапно — будто ему мешок на голову набросили.

Он смотрел на незнакомку. Какого черта он ее остановил? Ясное дело, с ней что-то стряслось. Но ему-то что? Мало ли он женщин повидал, с которыми что-то стряслось, а уж среди ночи в Париже и подавно, и сейчас ему все это было безразлично, хотелось только одного — соснуть на пару часов.

— Шли бы вы домой, — сказал он. — В такое время — ну что вы на улице потеряли? Ничего хорошего, кроме неприятностей, вы тут не найдете.

И поднял воротник, твердо намереваясь уйти.

Женщина смотрела на него непонимающим взглядом.

— Домой? — переспросила она.

Равич пожал плечами:

— Ну да, домой, в свою квартиру или в гостиницу, куда угодно. Вы же не хотите заночевать в полиции?

— В гостиницу! О господи! — пробормотала женщина.

Равич обернулся. Еще одна неприкаянная душа, которой некуда податься, подумал он. Уж пора бы привыкнуть. Вечно одно и то же. Ночью они не знают, куда податься, а наутро, не успеешь глаза продрать, их уже и след простыл. Утром-то они прекрасно знают, куда им надо и что к чему. Старое, как мир, заурядное ночное отчаяние — накатывает вместе с темнотой и с ней же исчезает. Он выбросил окурочек. Как будто сам он с лихвой всего этого не нахлебался.

— Пойдемте пропустим где-нибудь по рюмочке, — предложил он.

Это самое простое. Он расплатится и уйдет, а уж там пусть сама решает, как ей быть и что делать.

Женщина неуверенно двинулась вперед, но, споткнувшись, пошатнулась. Равич подхватил ее под руку.

— Устали? — спросил он.

— Не знаю. Пожалуй.

— До того устали, что не можете заснуть?

Она кивнула.

— Бывает. Пойдемте. Держитесь за меня.

Они пошли по проспекту Марсо. Равич чувствовал: незнакомка опирается на него так, словно вот-вот упадет.

Они свернули на проспект Петра Сербского. За перекрестком с улицей Шайо в убегающей перспективе между до-

мами темной и зыбкой громадой на фоне дождливого неба воздвиглись очертания Триумфальной арки*.

Равич кивнул в сторону вывески, что светилась над узкой подвальной лестницей:

— Нам сюда, тут наверняка что-нибудь найдется.

Это был шоферской кабак. За столиками несколько таксистов и пара-тройка шлюх. Таксисты резались в карты. Шлюхи потягивали абсент. Они, как по команде, хватким профессиональным взглядом смерили его спутницу. После чего равнодушно отвернулись. Та, что постарше, громко зевнула; другая начала лениво накрашиваться. В глубине совсем молоденький официант с лицом обиженного крысенка сыпанул на каменные плиты опилок и принялся подметать пол. Равич выбрал столик возле самой двери. Так удобнее будет смыться. Пальто снимать не стал.

— Что будете пить? — спросил он.

— Не знаю. Что-нибудь.

— Два кальвадоса, — бросил он подошедшему официанту; тот был в жилетке, рукава рубашки засучены. — И пачку «Честерфилда».

— «Честерфилда» нет, — отрезал официант. — Только французские.

— Хорошо. Тогда пачку «Лоран», зеленых.

— Зеленых нет. Только синие.

Равич смотрел на руку официанта, на ней была татуировка — голая красotka вышагивает по облакам. Официант перехватил его взгляд и, сжимая руку в кулак, поиграл мышцей. Живот красотки похотливо задвигался.

— Тогда синих, — бросил Равич.

Гарсон осклабился.

— Может, и зеленые еще найдутся, — обнадежил он и удалился, шаркая шлепанцами.

* Триумфальная арка — монумент на площади Звезды (или площадь Этуаль, ныне площадь Шарля де Голля), возведенный по указу Наполеона в ознаменование побед французского оружия. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Равич глянул ему вслед.

— Рыжие шлепанцы, татуировка с танцем живота, — про-
бормотал он. — Не иначе парень служил в турецком флоте.

Незнакомка положила руки на стол. Положила так, слов-
но ей никогда их больше не поднять. Руки были ухоженные,
но это еще ничего не значит. Да и не такие уж ухоженные.
Вон ноготь на среднем пальце правой руки обломан и, похо-
же, просто обкусан. Да и лак кое-где облупился.

Официант принес две рюмки и пачку сигарет.

— «Лоран», зеленые. Нашлась одна пачка.

— Я в вас не сомневался. На флоте служили?

— Нет. В цирке.

— И того лучше. — Равич пододвинул женщине рюмку. —
Вот, выпейте. В такое время — самый подходящий напиток.
Или хотите кофе?

— Нет.

— Только залпом.

Женщина кивнула и опустошила рюмку. Равич присталь-
но ее разглядывал. Лицо потухшее, мертвенно-бледное, поч-
ти без выражения. Губы припухлые, но тоже блеклые, как бы
стершиеся в очертаниях, и только светло-русые волосы, тя-
желые, с натуральным золотистым отливом, по-настоящему
красивы. На ней был берет, а под плащом — синий, пошитый
на заказ костюм. Костюм от дорогого портного, и только зе-
леный камень в кольце на руке слишком велик, чтобы быть
настоящим.

— Выпьете еще? — спросил Равич.

Незнакомка кивнула.

Он подозвал официанта.

— Еще два кальвадоса. Только рюмки побольше.

— Только рюмки? Или побольше налить?

— Именно.

— Значит, два двойных?

— Вы догадливы.

Равич решил свой кальвадос выпить сразу же и смыться.
Становилось скучно, да и устал он до смерти. Вообще-то он
в подобных случаях бывал терпелив, как-никак за плечами
сорок лет отнюдь не спокойной жизни. Однако все происхо-

дившее сейчас было ему слишком хорошо знакомо. Он уже несколько лет в Париже, у него бессонница, и, бродя по городу ночами, он всякого навидался.

Гарсон принес заказ. Равич бережно принял у него рюмки с пряной, душистой яблочной водкой и одну поставил перед незнакомкой.

— Вот, выпейте еще. Помочь не поможет, но согреет наверняка. И что бы там с вами ни стряслось — не переживайте. На свете не так уж много вещей, из-за которых стоит переживать.

Женщина вскинула на него глаза. Но пить не стала.

— Это правда так, — продолжил Равич. — Особенно ночью. Ночь — она все преувеличивает.

Женщина все еще смотрела на него.

— Меня утешать не надо, — проговорила она.

— Тем лучше.

Равич уже искал глазами официанта. С него довольно. Знает он этот сорт женщин. Должно быть, русская, подумал он. Такая еще обогреться и обсохнуть не успеет, а уже начнет учить тебя уму-разуму.

— Вы русская? — поинтересовался он.

— Нет.

Равич расплатился и встал, намереваясь откланяться. Но в тот же миг встала и женщина. Встала молча, как будто это само собой разумеется. Равич глянул на нее озадаченно. Ладно, подумал он, проститься можно и на улице.

Там, как выяснилось, начался дождь. Едва выйдя за порог, Равич остановился.

— Вам в какую сторону? — учтиво спросил он, про себя твердо решив, что пойдет в противоположную.

— Не знаю. Куда-нибудь.

— Но вы ведь где-то живете?

Незнакомку будто передернуло.

— Туда я не могу! Нет! Ни за что! Только не туда!

Дикий, безумный страх заметался в ее глазах. Обычный домашний скандал, подумал Равич. Крик, брань, вот она и выскочила на улицу. Завтра к обеду одумается и как миленькая вернется домой.

— И вам совсем не к кому пойти? К подружке, допустим? Отсюда можно позвонить.

— Нет. Не к кому.

— Но куда-то же вам надо податься. У вас что, нет денег на гостиницу?

— Есть.

— Так идите в гостиницу. Их тут в переулках полно.

Женщина не ответила.

— Но куда-то вам нужно деться, — повторил Равич, начиная терять терпение. — Не оставаться же на улице под дождем.

Женщина поплотнее закуталась в плащ.

— Вы правы, — отозвалась она. — Вы совершенно правы. Благодарю. Обо мне не беспокойтесь. Куда-нибудь пойду. Спасибо. — Рука ее потянулась к горлу, сжимая воротник на шее. — Спасибо за все.

Она подняла на Равича измученные глаза и попыталась изобразить улыбку. Потом зашагала прочь, куда-то в дождь, неслышным, но решительным шагом.

Равич смотрел ей вслед.

— Вот черт! — пробормотал он, вдруг смешавшись. Он и сам не знал, в чем тут дело — то ли всему виной этот ее взгляд и улыбка эта жалкая, то ли пустынная улица и темная ночь, — но он вдруг понял: эту женщину, что уходит от него сейчас в дождливую мглу, как потерявшийся ребенок, он просто не может оставить одну.

Он нагнал ее.

— Пойдемте, — буркнул он почти сердито. — Что-нибудь сообразим.

Они дошли до площади Звезды. Ее лучистые контуры огромной снежинки тонули сейчас в морозящей завесе и казались нескончаемыми. Туман стухнул, и улиц, что разбегаются от площади лучами, было не видно. Перед ними раскинулась только сама площадь, широченная, с разбросанными тут и там тусклыми лунами фонарей и мощной каменной аркой посередине, чья громада, пропадая в мгlistой дымке, казалось, подпирает собой насуспенное небо, укрывая исполинскими сводами сиротливое, бледное и трепетное пламя

на могиле неизвестного солдата, словно это последняя могила рода человеческого, затерянная среди безлюдья вечной ночи.

Они пошли через площадь напрямик. Равич шел быстро. Больно уж он измотан, чтобы еще и думать. Подле себя он слышал усталые, неуверенные шаги женщины, что молча следовала за ним, понутив голову, пряча руки в карманах плаща, — еще один трепетный, беззащитный огонек чьей-то жизни, о которой он ничего не знает, но которая именно сейчас, внезапно, посреди ночной пустынной площади показала ему странно близкой, почти родной. Пусть она ему чужая, как и сам он чувствует себя чужаком везде и всюду, — но именно это и сближало их сейчас сильнее всяких слов и прочнее долгих лет постылой привычки.

Равич жил в небольшой гостинице в одном из переулков возле Ваграмского проспекта, сразу за Тернской площадью. Строго говоря, это была не гостиница, а развалюха, и новой в ней была разве что вывеска над входом — «Отель Интернасьональ».

Он позвонил.

— Свободная комната есть? — спросил он заспанного паренька, открывшего им дверь.

Тот спросонок только бессмысленно хлопал глазами.

— Портье сейчас нет, — пробормотал он наконец.

— Это я и без тебя вижу. Я спросил, есть ли свободная комната.

Паренек испуганно пожал плечами. Он видел, что Равич привел женщину, и никак не мог взять в толк, с какой стати ему по такому случаю понадобилась еще одна комната. Сколько ему известно, женщин сюда приводят вовсе не для этого.

— Мадам спит. Если разбуду, она меня выгонит, — сообщил он, одной ногой почесывая другую.

— Замечательно. Тогда придется посмотреть без нее.

Равич сунул пареньку чаевые, взял свой ключ и вместе с женщиной направился к лестнице. Поднявшись наверх, он, прежде чем отпереть свою комнату, внимательно осмотрел

соседнюю дверь. Выставленной обуви перед ней не было. Он постучал раз, потом другой. Никто не отозвался. Осторожно надавил на дверную ручку. Но дверь была заперта.

— Вчера еще была свободна, — буркнул он. — Что ж, попытаем счастья с другой стороны. Не иначе хозяйка заперла. Чтобы клопы не разбежались.

Он отпер свою комнату.

— Посидите тут. — Он кивнул на красную софу. — Я сейчас.

Он распахнул застекленную дверь, что вела на узкий балкон, ухватился за железную решетку, отделявшую его балкон от соседнего, перебрался туда по перилам и попробовал открыть дверь. Но и та оказалась запертой. Обескураженный, он тем же путем вернулся к себе в комнату.

— Дело дрянь. Похоже, нет у меня для вас комнаты.

Незнакомка сидела в самом углу софы.

— Можно, я немного тут посижу?

Равич глянул на нее пристально. Да на ней лица нет. Похоже, она и встать-то не в силах.

— Можете остаться.

— Я на минутку только.

— Да спите здесь. Это будет самое простое.

Казалось, женщина вообще его не слышит. Она покачала головой — медленно, почти машинально.

— Лучше бы оставили меня на улице. А теперь... теперь, похоже, я уже не смогу...

— Мне тоже так кажется. Оставайтесь здесь, поспите. Так будет лучше всего. А утром — там видно будет.

Женщина подняла на него глаза.

— Но я не хотела бы вас...

— Бог ты мой, — вздохнул Равич. — Да ничуть вы меня не стесните. Думаете, вы первая, кто у меня заночует, потому что некуда податься? Ведь эта гостиница — приют для беженцев. Здесь такое случается сплошь и рядом. Вам лучше устроиться на кровати. А я посплю на софе. Мне не впервой.

— Нет-нет, можно, я останусь тут, просто посижу? Этого вполне достаточно, если вы позволите.

— Хорошо, как вам угодно.

Равич скинул пальто и повесил на вешалку. Потом прихватил с кровати одеяло и подушку и придвинул к софе стул. Принес из ванной свой махровый халат и повесил на спинку стула.

— Вот, — сказал он. — Это все вам. Если желаете, могу еще предложить пижаму. В шкафу, в ящике, берите любую. Больше я о вас не забочусь. Можете занимать ванную. А у меня еще дела.

Незнакомка опять покачала головой.

Равич стоял над ней в недоумении.

— Плащ мы все-таки, пожалуй, снимем, — рассудил он. — Он у вас промок. И берет давайте.

Она послушно отдала и то и другое. Он положил подушку в изголовье софы.

— Это под голову. А стул — это чтобы вы во сне не свалились. — Он пододвинул стул вплотную к софе. — Так, а теперь туфли. Там наверняка полно воды. Для простуды ничего лучше не придумаешь. — Он стянул с нее туфли, достал из шкафа пару шерстяных носков и надел ей на ноги. — Ну вот, так еще куда ни шло. Скверные времена лучше переносить с удобствами. Старая солдатская заповедь.

— Спасибо, — вымолвила женщина. — Спасибо.

Равич направился в ванную, отвернул оба крана. Вода с шумом полилась в раковину. Он ослабил узел галстука и отрешенно глянул на себя в зеркало. Из глубокой тени глазных впадин на него устремился привычно-пристальный, цепкий, изучающий взгляд; лицо худое, можно считать, почти изможденное, если бы не глаза; губы, пожалуй, слишком мягкие на фоне двух глубоких морщин, что бороздами пролегли к уголкам рта от носа; а в довершение всего — длинный, в зазубринах, шрам, что от правой брови протянулся через весь лоб, заполняя в волосы.

Телефонный звонок прервал его раздумья.

— Вот черт!

На секунду он забыл обо всем на свете. С ним такое бывает: чуть задумается — и полностью уходит в себя. А тут еще эта женщина...

— Сейчас подойду! — крикнул он. — Напугались? — Он снял трубку. — Да. Что?.. Так... конечно, да... Конечно, полу-

чится... Да. Где? Хорошо, еду. Горячего кофе, и покрепче... Хорошо.

Он аккуратно положил трубку и, сидя на краю софы, все еще думал о чем-то своем.

— Мне надо ехать, — сказал он затем. — Это срочно.

Женщина тут же вскочила. Но покачнулась и ухватилась за спинку стула.

— Нет-нет... — На короткий миг Равича тронула эта ее спешная покорная готовность. — Вы можете остаться. Спите. Мне нужно по делам, на час-другой, точно не знаю. Только не уходите никуда.

Он надел пальто. На секунду промелькнула нехорошая мысль, но он тут же ее отогнал. Эта женщина не украдет. Не из таких. Уж в этом-то он разбирается. Да и красть у него особенно нечего.

Он уже был в дверях, когда женщина спросила:

— Можно, я пойду с вами?

— Нет, это исключено. Оставайтесь здесь. Берите все, что понадобится. И кровать, если хотите, тоже ваша. Коньяк вон там. Спите...

Он повернулся, чтобы уйти.

— Только свет не гасите! — вдруг выпалила женщина.

Равич выпустил дверную ручку.

— Вам страшно?

Она кивнула.

Он показал ей на ключ.

— Запритесь. Только ключ выньте. Внизу, у портье, есть второй, им я и открою.

Она затрясла головой:

— Нет, не в том дело. Но, пожалуйста, свет оставьте.

— Вот оно что. — Равич глянул на нее испытующе. — Да я и не собирался гасить. Пусть горит. Это мне знакомо. Со мной такое тоже бывало.

На углу улицы Акаций он поймал такси.

— Улица Лористона, четырнадцать. Только скорее!

Водитель развернул машину и вырулил на проспект Карно. На перекрестке с проспектом Великой Армии справа на них вылетел маленький двухместный кабриолет. Столкнове-